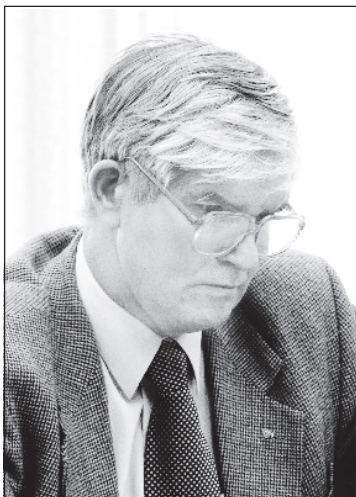

Литература:

1. Егоров, М. Крестьянское движение в ЦЧО в 1907–1914 / М. Егоров // Вопросы истории. – 1948. – № 5. – С. 5.
2. Степынин, В.А. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 гг. / В.А. Степынин. – Воронеж, 1991. – С. 93.
3. ГАВО, Ф.И-6, оп.1., д.1046, 139 л.
4. Степынин, В.А. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905–1907 гг. / В.А. Степынин. – Воронеж, 1991. – С. 105.
5. ГАВО. Ф.И-6, оп.1, д.649, с.1.
6. ГАВО. Ф.И-6, оп.1, д.690, л.3-4.
7. ГАВО. Ф.И-6, оп.1, д.483, л.45а.
8. Тяжелов, П.П. Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905–1907 / П.П. Тяжелов. – Воронеж, 1947. – С. 26–28.

УДК 9 (С) 17.4
ББК 63.(2) 523-211

ОБРЕЧЁННЫЕ РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

Кругликов Александр Леонидович,
доктор исторических наук,
профессор Ульяновского госуниверситета,
депутат Законодательного Собрания
Ульяновской области
(г. Ульяновск)

Аннотация. Обращение к опыту успешных и неудачных реформ в России и в СССР крайне актуально. Глубокого анализа заслуживают преобразования периода капиталистического развития страны во второй половине XIX – начале XX вв. Представленная статья раскрывает суть реформ Александра II, ошибочность представлений о П.А. Столыпине как «великом реформаторе».

Ключевые слова: реформа, крестьянская община, капитализм, царизм, Государственная дума, третьиюньская политическая система и революция.

2011 г. в России юбилейный во многих отношениях. Отмечается **150 лет падения крепостного права и начала цикла «великих реформ» Александра II**, имевших, по определению Ф. Энгельса, значение незавершённой социальной революции [1].

Уместно вспомнить, что **100 лет назад** – в 1911 г. – гибель российского премьера П. Столыпина ознаменовала провал очередных ре-

форм, направленных на сохранение самодержавия и помещичье-буржуазного строя.

А в 1921 г. в рамках другой социально-политической системы, – после двух революций, отражения иностранной интервенции и разрушительных первой мировой и гражданской войн, – к циклу реформ приступила уже Советская Россия. Опыт **НЭПа** дал блестящие результаты. Пяти лет хватило для восстановления

довоенного уровня производства, обретения устойчивой финансовой системы и золотого червонца, старта грандиозной программы ГОЭРЛО. В стране началась культурная революция, ликвидация безграмотности населения. Многие элементы ленинской «новой экономической политики» (НЭПа) востребованы сегодня в Китае [2], Вьетнаме, Беларуси. В современной России об этом опыте предпочитают не вспоминать.

Политика НЭПа заложила основу для последующей модернизации страны накануне Второй мировой войны. **Мобилизационный прорыв 30-х годов XX в. – уникальное явление, и начало ему было положено 80 лет назад.** Капиталистический мир в то время погрузился в кризис, а Советский Союз демонстрировал небывалые темпы экономического развития, создавал новые отрасли производства. Стремительно развивались наука, образование, культура всех народов СССР. Удивительно, но ныне умалчивают и об этом, не стремятся разобраться в составляющих этого прорыва, без которого не было бы Великой Победы в мае 1945-го и послевоенного космического триумфа нашей Родины, отмечающей 50-летие гагаринского старта. Однако предпочитают обращать внимание на негатив. Это неверно и антинаучно.

В 2011 г. невозможно не вспомнить и 20-летие развала Советского Союза (так называемый августовский «путч» 1991 г. и беловежский сговор Ельцина и его подельников). Эти события, как и последующие разрушительные «реформы», тоже требуют самого глубокого изучения, дабы печальная судьба СССР не постигла и Российскую Федерацию.

Поэтому и обращение к опыту российских преобразований XIX и XX столетий представляется крайне актуальным.

О «ВЕЛИКИХ РЕФОРМАХ» АЛЕКСАНДРА II

Реформы императора Александра II проводились не только освобождением крестьян, но и введением земств, преобразованиями в армии и судопроизводстве, иных сферах экономической и социальной жизни Российской им-

перии. К моменту их начала крепостничество «утратило своё политическое оправдание, стало следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей [3]». Принципы «служилого государства» были попорчены ещё Указом «о вольности дворянской» Петра III в 1762 г. и хартией 1785 г. Екатерины II. «Социальное положение «благородного» сословия изменялось в одну сторону – в сторону Запада – ... социальное положение «подлых людей» продолжало изменяться в сторону прямо противоположную, – в сторону Востока...», – совершенно справедливо указывал один из глубоких отечественных мыслителей [4].

К тому же, по определению И.Л. Солоневича, политическая конструкция Российской империи «была не русской конструкцией и никак не устраивала русский народ [5]». Сохранение крепостного права оказывало отрицательное влияние на хозяйство страны. А «заграничные банки на шкуре, содранной с русского мужика, строили мировой капитализм [6]». Российское крестьянство было по существу ограблено во имя европейской буржуазии.

Дальнейшее существование крепостного права было чревато для России экономической, социальной и политической катастрофой. Это сознавалось лучшими умами России. Однако правящий класс всячески препятствовал назревшим преобразованиям. И только ряд обстоятельств с возрастающей силой определял необходимость отмены вопиющей социальной несправедливости. Это было обусловлено состоянием экономики, моральным протестом образованной русской общественности, выступлениями самих крепостных. Наконец, **поражение в Крымской войне и возникновение революционной ситуации в стране побудили Александра II отменить крепостное право при громадной оппозиции к этому акту дворянства [7].**

Событие называли «величайшим индивидуальным правовым актом в мировой истории» [8], положившим начало целому циклу реформ [9]. Действительно император противопоставил свою волю не желающему перемен дворянству, указывая, что освобождение крестьян должно сопровождаться решением для них земельного

вопроса. И это **второе**, что следует отметить: **руководитель государства обязан руководствоваться интересами страны и народа, даже если правящая элита не разделяет этой позиции.** Но так ли было на деле?

Третье. При всей важности отмены крепостничества **экономические и социальные аспекты реформы страдали многими нерешенными вопросами.** Крестьянам оставили лишь часть земли, которой они пользовались ранее. Помещики получали компенсацию от государства за утрату этой собственности, а крестьяне должны были возместить казне эту сумму в течение 49 лет ежегодными взносами из 6% годовых. Земельные наделы были крайне малы. Выкупные платежи оказались непосильным бременем. Они кратно превышали стоимость усечённых наделов. Земля передавалась сельским общинам, на которые возлагалась ответственность за сбор налогов и выкупных платежей, периодические переделы крестьянских наделов. Выход из общины не предусматривался с целью предотвращения формирования пролетариата в деревне.

Вывод четвёртый – реформы не были подготовленными. Крестьяне в результате «обретения воли» оказались не приспособленными к новым условиям жизни. Положение их было крайне тяжелым. Большая часть русского народа жила в нищете. Временами, как это было в суровый голод 1891–1893 гг., ситуация становилась катастрофической [10].

Пятое. Преобразования дополнялись внедрением в российскую государственность **форм управления, не отвечавших традиционным началам.** Нация оказалась подчинена бюрократии, не подконтрольной народу [11]. Общие административные функции и исполнение полицейской власти оставались в руках чиновников. Компетенция земских учреждений была весьма ограниченной. Взаимное недоверие царской власти и общественных сил только нарастало. На рубеже XIX–XX вв. земства при отсутствии парламентских институтов стали играть роль центров самоуправления и формирования оппозиционного движения либерально-буржуазного толка.

Очевидно, что **«слабость всех российских реформ** (и не только проводимых Александром

II – авт.) **в том, что они выступают в виде односторонней эмансипации «верхов» за счет усиленного закабаления «низов»...»** [12]. Преобразования второй половины XIX в. несли очевидный отпечаток компромисса правящего режима и господствующего класса дворян-помещиков. Они и осуществлялись в интересах царизма, элиты российского общества и крепостников. Это и привело к тому, что правящий режим уже к началу XX в. столкнулся с коалицией оппозиционных сил страны. Поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг. усилило нарастающие противоречия в общественном и политическом строе империи. Разразилась первая русская революция 1905–1907 гг.

КАПИТАЛИЗМ – В КРЕДИТ

Между тем, у страны имелись **возможные пути модернизации** (модное ныне слово). Они **были связаны не с капиталистической моделью хозяйства.** В структуре пореформенной России присутствовали два качественно неоднородных социально-экономических уклада [13].

Один из них образовался за счет форм производства, при которых средства производства принадлежали и использовались на общинных началах. Пересмотрев взгляды на русскую общину, **К. Маркс** писал: **«Специальные изыскания... убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы, прежде всего, устранить тлетворное влияние, которому она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»** [14].

Другой уклад – капиталистический. Его развитие было чревато крупными издержками и потрясениями. Капитализм во многом насаждался в России «сверху» усилиями самодержавного государства и за счёт основной массы населения страны. Нарастающее абсолютное и относительное обеднение трудящихся стало тормозом развития при буржуазной форме организации хозяйства. Оно выступало как объективный предел, препятствующий модернизации.

Обеднение крестьянства, сужая внутренний рынок, было результатом двойственной политики царского правительства. **Замысел реформы 1861 г. был направлен на удовлетворение интересов поместного дворянства и фискальных потребностей самодержавного государства.** Установление непомерно высоких выкупных платежей, дополненных увеличивающимися налогами и сборами, вело к удушению крестьянского хозяйства. Это был грабёж [15].

Для процветания страны и модернизации её экономики было необходимо оказание крестьянству государственной помощи, освобождение крестьян от выкупного и налогового бремени. Требовался цикл мер, направленных на повышение платежеспособного спроса сельского населения, а стало быть, и расширение внутреннего рынка. Это следовало бы делать и в современной России. И 100 лет назад, и ныне ограниченная роль внешних рынков для стимулирования роста отечественного производства очевидна. Подъём экономики зависит, прежде всего, от внутреннего спроса [16].

К началу же XX столетия в России имелись возможности проведения преобразований не за счет массового разорения и обнищания населения, а путем проведения политики поддержки реальных товаропроизводителей и массовых потребителей. Страна могла избежать революционных скачков, создавая «экономику благосостояния для всех». Правительство выбрало другой вариант развития.

К. Маркс, улавливая специфику России, писал, что в ней формировался «известный род капитализма, вскормленный за счёт крестьян, при посредстве государства...» [17]. По своему происхождению, отмечал **Ф. Энгельс**, российские капиталисты «были частью банкиры и купцы-импортёры, преимущественно немцы или их потомки, — и частью сами русские, нажившиеся на внутренней торговле, главным образом откупщики питейных сборов и поставщики армии, разбогатевшие за счёт государства и народа... В дальнейшем эту буржуазию, особенно промышленную, стали буквально наращивать посредством щедрой государственной помощи, субсидий, премий и покровительственных пошлин, постепенно доведённых до крайних

пределов» [18]. Ради этого непрерывно осуществлялись на кабальных условиях займы за рубежом. **Росла и роль иностранного капитала, которому принадлежали 2/3 российской промышленности и 70% всех вложений** [19]. Поэтому, когда в конце XIX в. разразился промышленный кризис в Европе, в его орбите оказалась и Россия.

Избранный царским правительством **путь преобразований сопровождался и постоянным оттоком золота за границу.** Помещики после реформы 1861 г. продавали родовые «дворянские гнезда», переводили за границу свои состояния и проживали там выкупные свидетельства. Это привело к громадному вывозу капиталов за рубеж. **«Шесть лет подряд после реформы русское золото лилось непрерывным потоком за границу, — писал академик С.Г. Струмилин. — И это несмотря на внешние займы... на 134 млн. руб.».** Если бы эти займы не удалось заключить, то «отлив золота из России за указанные шесть лет повысился бы, стало быть, до 277 млн. руб. Но и это еще не все. Верная своему лозунгу «не доедим, а вывезем», русская деревня перекрыла за 1861–1866 гг. ввоз по европейской границе вывозом минимум на 178 млн. руб. Таким образом, полное сальдо всех платежей золотом и товарами... составило не менее 455 млн. руб. ..., подобного отлива ценностей за границу не бывало» [20]. Это были колоссальные средства.

Уместно отметить, что в начале XX в. тенденция к оттоку капитала из России усилилась. В 1905 г. «истребование вкладов из государственных касс... выразилось к концу отчетного года в громадной цифре — 148 с лишним млн. руб. Одновременно с этим значительно увеличилось предъявление кредитных билетов к размену, увеличились требования производства платежей золотом, и весьма сильно возросли операции по продаже валюты, обусловленные отливом капитала за границу» [21]. Немецкие банкиры предъявили счёт о высылке в Берлин большой партии золота в 60 млн. рублей, что и было выполнено российским правительством. Громадный отлив золота на Запад имел место и позднее. **Ещё до прихода большевиков к власти 2/3 золотого запаса России оказалось за**

границей [22]. После Октябрьской революции оно там и осталось.

Таким образом, **крупный капитал не имел в стране материальной базы, насаждался правительством в кредит и за счёт трудящихся масс России** [23]. Вынужденные выкупать свои земли, крестьяне в 1862–1901 гг. уплатили 1,4 млрд. руб. выкупных платежей (при первоначальной сумме в 867 млн. руб.) и остались должны казне еще 400 млн. руб. [24]. Значительная часть этих колоссальных средств, изъятых у крестьянства, была вывезена из страны.

Было очевидно, что без серьёзных преобразований в сфере земельных отношений Российской империи не избежать революционных потрясений. Это было чревато гибелью политического строя и развалом государства.

СТОЛЫПИН И ЕГО РЕФОРМЫ: МИФЫ И РЕАЛИИ

Страна переживала глубокий внутренний кризис. Авторитет самодержавного режима был подорван и провалом в русско-японской войне. По мнению серьёзного мыслителя, монархиста Л.А. Тихомирова, Россия представляла собой корабль с деморализованным экипажем, «с изломанными машинами, пробоинами по всем бортам, с течами по всему дну» [25]. В такой обстановке Николай II остановил свой выбор на П.А. Столыпине, отводя ему роль реформатора и спасителя монархии.

Из энциклопедической справки: *Столыпин Пётр Аркадьевич родился 2 апреля 1862 г. в Дрездене. Гимназию окончил в г. Вильно. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. В 22 года поступил на службу в МВД. Крупный помещик, владевший 7,5 тыс. десятин земли. В 1899–1902 гг. – предводитель дворянства Ковенской губернии. Гродненский (1902 г.), а затем (1903–1906 гг.) – Саратовский губернатор. С апреля 1906 г. – министр внутренних дел, а с июля того же года – одновременно председатель Совета министров. Убит агентом охраны Д. Богровым в сентябре 1911 г.*

Выбор императора оказался не совсем удачным. Не случайно проводимые Столыпиным

реформы сразу встретили резкую критику даже со стороны видных представителей правых сил, сторонников самодержавия. Ф. Самарин, С. Ша-рапов, К. Пасхалов, А. Щербатов, Д. Хотяинцов и др. обращали внимание на бюрократический и насильственный характер преобразований и крайне негативные их последствия для основной массы населения. Они полагали, что реформы имели «чисто политическое значение» [26].

Однако в постсоветский период удивительным образом оказались возрождены легенды о Столыпине, якобы, желавшем отдать землю крестьянам, расширить демократические институты и тем самым направить Россию на путь эволюционных изменений без революционных потрясений. В начале XX в. подобный взгляд был присущ приверженцам монархической традиции, оправдывавшим все деяния «великого реформатора»: ломку крестьянской общины, попытку насаждения хуторского переустройства русской деревни, военно-полевые суды, массовые репрессии.

Перед развалом Советского Союза этот взгляд на Столыпина и его программу преобразований был реанимирован поборниками либерально-демократического поворота. Затем его стали проповедовать сторонники консервативной линии [27]. Во исполнение политического заказа прибегли к различным манипуляциям, дабы «доказать», что столыпинские реформы якобы привели к позитивным сдвигам в экономике, увеличению сбора хлебов, которыми впоследствии якобы «питалась молодая Советская республика». Эти легенды основаны на грубейших фальсификациях исторических реалий.

БЫЛ ЛИ СТОЛЫПИН ВЫДАЮЩИМСЯ РЕФОРМАТОРОМ?

Граф С.Ю. Витте (его вклад в преобразование российских финансов, железнодорожное строительство, развитие экономики России рубежа XIX–XX вв. неоспорим) отзывался о Столыпине как о человеке «средних умственных качеств и среднего таланта», любителе театральных жестов и громких фраз. Он признавал, что **П.А. Столыпин «принёс некоторую долю пользы, но если эту пользу сравнить с тем**

вредом, который он нанёс, то польза эта окажется микроскопической». С.Ю. Витте был убеждён, что «в своём беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда.... Столыпин развратил прессу, развратил многие слои общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив её в свой департамент» [28].

Другой граф, И.И. Толстой, известный как блестящий учёный, никогда «не вступавший в сделку со своей совестью», не склонявший головы «ни перед верхами, ни перед низами», полагал: «Вообще видеть в Столыпине «талантливое» государственного деятеля я решительно отказываюсь; для меня он всегда был и останется временщиком, т. е. карьеристом, со всеми недостатками такового. Как государственный деятель он обладал... такими качествами, как энергия и решительность, но несравненно более серьёзными недостатками: отсутствием критического ума, узостью политического кругозора, не оправдываемой его личными качествами самоуверенностью и неразборчивостью средств для сохранения своего влияния и положения при сильно развитом самомнении» [29].

Среди воспоминаний о П.А. Столыпине особое место занимают мемуары его ближайшего сотрудника С.Е. Крыжановского – товарища министра внутренних дел. Но и он, будучи весьма наблюдательным человеком, склонным к анализу и обобщениям, нисколько не сомневался, что «в политике своей Столыпин во многом зашёл в тупик...», и она «не была так определённая и цельная, как принято думать, а тем более говорить». Этот ближайший соратник премьера отмечал, что «в области идей Столыпин не был творцом...», «вся первоначальная законодательная программа была получена им в готовом виде в наследство от прошлого». В новых политических условиях продолжающейся революции Столыпин начал преобразования с роспуска I Государственной думы, а затем разгона и II Думы. Он не останавливался перед попранием норм законодательства и позднее, чем нема-

ло способствовал формированию негативного отношения общества и к себе, и к реформам [31].

ТРЕТЬИЮНЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Столыпин являлся творцом третьиюньской политической системы. Лидер кадетов П.Н. Милюков констатировал, что он «построил здание своего недолгого господства не на прочном фундаменте, а на зыбучем песке не закончившегося политического обвала. Он не только не мог остановить его, но, напротив, лишь ускорил...» [32]. После третьиюньского переворота 1907 г. в составе III Государственной думы была сформирована из числа депутатов «группа в 300 членов, готовых подчиняться велениям правительства». В Думу не предполагалось допускать какую-либо оппозицию. Милюков отмечал: «...на выборах правительство всё сделало, чтобы её не было. Избирательные коллегии тасовались.... Нежелательные элементы и не «легализованные» партии преследовались местными властями, не допускались к участию в выборах и т. д.» [33].

Известный социал-демократ В.В. Воровский, характеризуя избирательную систему Столыпина, писал: «Конституционная практика знает два избирательных принципа: выборы общие..., и выборы по куриям, когда каждый разряд избирателей самостоятельно выбирает своих представителей... Российским бюрократам принадлежит незавидная честь изобретения нового избирательного принципа, когда курия богатых и власть имущих избирателей выбирает не только своих представителей в Думу, но и представителей малоимущих курий. Эта пародия на выборы именуется избранием лиц, «являющихся настоящими выразителями нужд и желаний народных» [34]. Далее следовал вывод, что «реакционность этой системы может и должна, в силу исторической диалектики, превратиться в орудие революции» [35].

Октябристы получили большинство в Думе благодаря правительственной поддержке [36]. Опасаясь усиления оппозиции, Столыпин требовал у правительства крупные суммы на так

называемую «подготовку выборов» [37]. Министр финансов В.Н. Коковцев признавал, что деньги были «розданы самым ничтожным и бесполезным организациям и провинциальным органам печати». Он заявлял, что эти средства стали «соблазнительным источником питания разных «своих людей» у губернаторов и департамента полиции или у того лица, которому поручено предвыборное производство... Все промелькнули перед нами, все побывали тут», – писал он. Располагая ведомостями о незаконных расходах правительства по финансированию выборов, министр финансов указывал, что деньги получали почти исключительно представители правых партий и организаций: «Марков 2-й с его «Курской былью» и «Земщиной», поглощавшей 200 000 рублей в год; пресловутый доктор Дубровин с «Русским Знаменем», ... Пуришкевич с самыми разнообразными предприятиями..., некоторые епископы с их просветительными союзами...» [38]. В противоправную деятельность оказались втянутыми: Святейший Синод, епархиальные архиереи, перед которыми правительством Столыпина ставилась конкретная задача – «бороться против левых течений» и поддерживать правых. Из казны на это выделялись внушительные суммы средств [39]. Был организован широкомасштабный подкуп избирателей, депутатов, журналистов [40]. Происходившее во многом является аналогом современного состояния политической системы современной России.

Нельзя не отметить и то, что предпринимаемые правительством Столыпина репрессивные меры – исключение многих студентов, увольнение десятков известных профессоров – вело к усилению враждебности в среде просвещённой части общества. По мнению Д. Бьюкенена, российский премьер оказался не в силах устоять «перед искушением править железной рукой. Он слишком полагался на полицию и подавлял любые признаки недовольства, не пытаясь устранить причины, их вызвавшие» [41]. Оппозиция такому курсу была настолько серьёзной, что даже лидер октябристов А.И. Гучков сложил полномочия председателя Думы [42].

Для достижения политических целей правительство прибегло к использованию провокаций. Разгон II Думы 3 июня 1907 г. стал

возможным потому, что депутату от социал-демократов был подброшен фальшивый «наказ» к солдатам столичного гарнизона с призывом к восстанию. Затем последовал обыск с обнаружением «крамольного материала». Столыпин потребовал разрешения на арест всех депутатов социал-демократов и, не дожидаясь ответа, добился указа о роспуске «парламента».

Широко использовалось насилие. Санкционировались убийства оппозиционеров уголовниками, которых рядили в одёжки «патриотов-«черносотенцев». Размывание монополии власти на легитимное насилие – предвестник гибели государства. Столыпин раскручивал маховик этого процесса. По его распоряжению был образован секретный отдел, курировавший провокаторов. **Руководитель боевой организации эсеров Е. Азеф получал от полиции невиданный в российском государстве оклад в 1 000 руб. в месяц. Провокатор Р. Малиновский, являвшийся членом ЦК большевистской партии, также имел от полицейского ведомства жалованье в 700 руб.** Для сравнения: оклад губернатора составлял 500 руб., министра Российской империи – 600 руб.

Бывший начальник департамента полиции А.А. Лопухин с предвидением писал: **«Охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а, в конечном счёте, приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом ... Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной»** [43].

Чудовищные и недопустимые методы работы тайной полиции стали широко известны [44]. «Как не трудно в это поверить, но правительство действительно нанимало агентов-провокаторов.... Охранное отделение платило этим людям жалованье, даже если было точно известно, что это активные революционеры, сыгравшие не последнюю роль в убийствах видных государственных деятелей», – писал британский посол Д. Бьюкенен [45].

Столыпин объективно обрекал самодержавный строй на гибель. Не случайно при нём

развернули деятельность в России масонские ложи. Тогда к «вольным каменщикам» примкнули многие будущие могильщики царизма. Столыпин, несмотря на меры усиления политического сыска, оказался бессилем остановить проникновение заграничной заразы на российскую землю. Собственно, такой цели им и не преследовалось [46]. Третьиунская политическая система оказалась несостоятельной. **В.И. Ленин** справедливо указывал, что самодержавие не было способно к проведению позитивных реформ. «...Система исчерпала себя, исчерпала свои социальные силы. Обстоятельства сложились так, что никакая реформа в современной России невозможна... Реформистских возможностей в современной России нет», — писал вожь пролетарской революции [47].

Провозгласив программу «реформ», П.А. Столыпин столкнулся с нежеланием верхов допустить ограничение своей власти и привилегий. Не состоялось упразднение «исключительного положения», провалились реформы местного управления и правоохранительной системы. Россия оставалась полицейским государством. Разрешение «рабочего вопроса» свелось к куцей страховой реформе [48]. Признав допустимость создания рабочих профсоюзов, правительство ограничило их деятельность [49]. Были закрыты около 600 профсоюзов, более чем 700 — отказали в регистрации [50]. У рабочих не было оснований поддерживать политический курс правительства Столыпина [51].

Проявляли недовольство и влиятельные силы национально-ориентированного капитала — земские деятели. Они убедились в неспособности царизма разрешить крестьянский вопрос, расширить внутренний рынок. На усиление оппозиционных настроений повлияло поражение России в войне с Японией, утрата экономических и политических позиций в Маньчжурии. Сказывалась и принадлежность значительной части видных представителей буржуазии к гонимой властями старообрядческой религиозной субкультуре. Национальный капитал не желал мириться с реакционной политикой кабинета Столыпина. Его представители сомневались в конституционности «нового политического режима». Их протест вызвало закрытие за крити-

ку царских министров издания старообрядческого направления «Народная газета». Недовольство в этих кругах породило и то, что газету «Русь» за статью «Пролог русской революции. 9 января 1905», как возбуждающую «ненависть в читателях к существующему строю и к лицам, стоящим во главе правительства», признали «вредной». Позднее издание обвинили в том, что оно «продолжает колебать доверие к русскому государству», предав огласке роль великого князя Владимира Александровича в сдаче в аренду французскому синдикату русских казённых заводов. В апреле газета и вовсе была закрыта за фельетон с едкой пародией на Столыпина, а её учредитель — миллионер П.П. Рябушинский — был выслан из Москвы [52].

Против печатных средств информации было развернуто массированное наступление. **Издания запрещались, на редакторов, издателей и авторов статей налагались штрафы и аресты [53]. Репрессиям подверглись и земские организации. Вскрытые земцами недостатки в организации переселения крестьян на Дальний Восток, организованного в рамках правительственных реформ в деревне, вызвали болезненную реакцию Столыпина, объявившего земский союз, возглавляемый князем Г.Е. Львовым, «формально нелегальным» [54].**

После подавления революции 1905–1907 гг. для реформ не оказалось ни социальной, ни политической базы. Царизм дискредитировал себя. На стороне правящего режима оставалось в основном поместное дворянство, не желающее кардинальных преобразований. В верхах вынашивались планы ликвидации Думы, искоренения ростков парламентаризма. Царь тяготился Столыпиным, полагая, что он узурпирует власть.

К разумным советам проводники «преобразований» не прислушивались. К примеру, перед уходом в отставку С.Ю. Витте принял меры к укреплению финансов страны, обеспечив за рубежом льготный заём на 844 млн. руб. Но далее его рекомендации игнорировались Столыпиным, организовавшим даже слежку за бывшим премьер-министром [55]. Не удивительно, что **С.Ю. Витте** отмечал: «Столыпин... внёс во все отправления государственной жизни пол-

нейший произвол и полицейское усмотрение. Ни в какие времена ... не было столько произвола, сколько проявлялось во всех отраслях государственной жизни во времена Столыпина» [56].

Надежды П.А. Столыпина, выраженные в афоризме: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России» – были абсолютно несостоятельными. Он оказался в изоляции.

Современные и отечественные и западные исследователи вынуждены признавать, что осуществилось из столыпинских реформ немного. Израильский историк М. Конфино убеждён, что эта программа «была утопична своей переоценкой царской бюрократии и недооценкой силы крестьянского общества». Вывод разделяется серьёзными российскими исследователями. Так, И.В. Можайскова считает, что эти преобразования «оказались пагубными..., обострив до крайнего предела противоречия в русской деревне и подготовив, таким образом, Октябрьскую революцию» [58]. Даже известный американский советолог, десятилетиями изучавший русскую революцию, Р. Пайпс констатирует: «Устремления Столыпина находили слабый отклик в стране... В глазах оппозиции Столыпин был прислужником презренной монархии, при дворе его считали честолюбивым и своекорыстным политиком. Правящая бюрократия тоже не признавала его своим...» [59].

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Бесперспективным оказался аграрный курс Столыпина. Он преследовал цель разрушить крестьянскую общину и сохранить в неприкосновенности помещичьи земли. Правительство стремилось спасти дворянство от разорения, предлагая через Крестьянский банк продавать «излишки» земель сельским богатым, за счёт которых самодержавие намеревалось расширить свою социальную базу в деревне. Малоземельная часть крестьянства по-прежнему рассматривалась в качестве дешёвой рабочей силы [60].

С решением аграрного вопроса в интересах дворянства была связана и переселенческая по-

литика царизма. До революции 1905–1907 гг. идея массового переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток не поддерживалась правящим сословием, опасавшегося остаться без дешёвых трудовых ресурсов. Революционный взрыв побудил к иному взгляду. Марков 2-й заявлял: «правительство должно разрешать аграрный вопрос главным образом переселением» [61]. Но это не меняло сути реформы. Она была направлена на защиту помещичьего землевладения.

Крестьянские же депутаты называли Указ 9 ноября 1906 г. законом «о грабеже общественной земли», от которого «пахнет кровью» [62]. Классовая борьба в деревне обострилась до предела. Вместо одной социальной войны самодержавие в результате обрело на селе две войны. Разрушая общину, царизм утрачивал важнейший институт фискальной политики и надзора за настроениями и поступками огромных масс населения. Количество земли, находившейся в распоряжении крестьян, в результате реформы не увеличилось. Помещичьи земли сбывались по спекулятивным ценам, в силу чего крестьяне ощущали недостаток средств для ведения хозяйства.

Общий политический курс накладывал свой отпечаток на аграрные преобразования. Показательно, что помещикам под залог земли в Крестьянском банке предоставлялись кредиты под 2%, единоличным крестьянским хозяйствам – под 4%, а общинам – под 8%. Дворянам даровались благоприятные условия для развития, но это, как правило, не сопровождалось подъёмом сельскохозяйственного производства. Цель такой политики очевидна: сохранить помещичье-дворянское сословие, расширить социальную базу самодержавия за счёт крестьян, уходивших из общины на хутора и отруба. Через кредитную политику Столыпин стремился повлиять на структуру земельного фонда в интересах вполне конкретных социальных групп, преследуя при этом политические задачи.

Крайне плохо было организовано и переселенческое дело. Уже в первый год среди уехавших за Урал разразилась масштабная эпидемия тифа и цинги. Десятки тысяч крестьян были расселены на новых местах в наспех по-

строенные бараки. Смертность переселенцев местами доходила до 25–30% [63]. Всего в 1906–1916 гг. переселением в Сибирь и на Дальний Восток было охвачено 3 078 882 человек, из которых каждый шестой – 556 607, или 17,8% – вернулись обратно [64].

Всё получилось не так, как замышляло правительство. Крестьяне убедились в том, что реформа не ведёт к решению земельного вопроса. Об этом свидетельствовало резкое уменьшение количества выделяющихся из общины дворов. В 1908–1909 гг. с общиной порвали 1 087 тыс. крестьянских дворов, в 1910–1911 гг. – 481 тыс., в 1912 – 121 тыс. [65]. Об общей неудаче реформы свидетельствует то, что не сбылись надежды на разрушение общины и создание массового слоя крестьян-собственников. К 1 января 1916 г. из общины вышли и укрепили землю в личную собственность 2 478 тыс. домохозяев, или 22% тех, которым принадлежало лишь 14% общинных земель. Продали свои наделы из них 1 102 тыс. дворов, или 9,0% всех крестьянских дворов. На хутора и отруба ушли лишь 10,3% хозяйств, владевших 8,8% крестьянских земель [66].

Суждение о том, что эта реформа вывела Россию в разряд крупнейших экспортёров хлеба в мире, является ложным. «Не доедим, но вывезем» – этим принципом руководствовалось царское правительство, усматривавшее в усиленном экспорте хлеба возможность уравновесить внешнеторговый баланс страны. В начале XX в. цены на зерно на мировом рынке существенно возросли, что и побудило увеличить вывоз его в 1909–1913 гг. в 1,5 раза. На душу же населения Россия производила зерна не больше Швеции, Франции и Германии, но ежегодно экспортировала около 20% валового сбора хлебов. Относительный рост производства зерновых был связан с благоприятными природными условиями ряда лет и отменой выкупных платежей, что было следствием революции 1905–1907 гг. Покупательная способность сельского населения выросла, а это способствовало расширению внутреннего рынка. Столыпин и его реформы здесь ни при чём.

Ради чего затевались преобразования, с ничинной прямотой раскрывал октябрист М.В. Красовский. Выступая в Государственном Сове-

те, он заявлял о готовности решать крестьянский вопрос через насилие и принуждение, и не скрывал, что община разрушается, прежде всего, для спасения помещичьих имений. Этот план ликвидации традиционного крестьянского мира, своеобразного «раскрестьянивания» не был поддержан российским обществом. Не без симпатий относившийся к Столыпину выдающийся церковный иерарх, в годы гражданской войны и иностранной интервенции глава военного духовенства армии барона Врангеля, митрополит **Вениамин** писал в своих замечательных воспоминаниях: «Ему (т. е. Столыпину – А.К.) приписывалась... будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого «хуторского» хозяйства... Тогда я жил в селе и отчётливо видел, что народ – против неё. И причина была простая.... Массы остались бы по-прежнему малоземельными. В душах же народа лишь увеличилось бы чувство вражды к привилегиям новых «богачей». Да и вообще, спасти русский народ лишь буржуазным соблазном личной корысти было совсем неглубоко, не духовно, не государственно... народ привык к общинному укладу жизни. И хутора в народе «провалились»... Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное» [67].

Яркий учёный, профессор Московского университета и исследователь русской деревни **А.И. Чупров** характеризовал столыпинские преобразования, как вызов всему народу. **Он был убеждён, что преобразования не будут восприняты крестьянством, принесут больше вреда, чем пользы. Реформы воспринимались им как скороспелый продукт бюрократического творчества** [68]. Он писал: «...Из-за чего наше министерство с таким спехом предпринимает рискованный, дорогой и требующий долгого времени эксперимент с отрубам? ...Надежды построены на песке. Конечно, формы землевладения играют известную роль в вопросе о производительности сельского хозяйства; но этот фактор не есть, в данном случае, единственный и главный... Посмотрим на наших дворян-помещиков... Большинство их не страдает ни от чересполосицы, ни от принудительного севооборота; они вольны завести ка-

кую угодно хозяйственную систему, пользуются широким кредитом и всякими льготами и пособиями со стороны правительства. И что же, однако? ... Скота у них в 4–5 раз меньше, чем у крестьян; земля уходит у них из рук в руки... Менее совершенные формы землепользования отнюдь не служат препятствием к поднятию хозяйства на более высокую ступень совершенства, когда это вызывается и поощряется экономическими и культурными условиями» [69].

Блестящий экономист и глубокий знаток крестьянской жизни **В.П. Воронцов** тоже **выступал против затей Столыпина** [70]. Полагая, что исторические условия России принципиально отличаются от Запада, он заявлял, что «...прогресс придёт с победой общества и введением народовластия..., государственных хозяйственных предприятий и рациональной государственной деятельностью» [71].

Реформы Столыпина провалились. Известный в начале XX в. журналист, аналитик и видный представитель партии кадетов А.П. Изгоев предъявлял премьеру целый «иск по неоплаченным векселям».

Обещали передать крестьянам земли государственные, удельные и кабинетные. На деле до 1 января 1911 г. из 9 млн. десятин к кормильцам России таких земель перешло лишь 281 тыс. десятин, т. е. менее 3%.

Столыпин грозил карами против дробления земельных наделов, но разрушительный процесс не был остановлен.

А.П. Изгоев усматривал скудные результаты в деле организации земельного, мелиоративного и переселенческого кредита. Так и было в действительности. Столыпин обещал серьёзные преобразования в местном самоуправлении. Но и на этом поприще существенных изменений не последовало. Продовольственное дело не было передано земствам, а в период голода они были отрешены от оказания помощи бедствующему населению. Земства воспринимались как оппозиционные учреждения. Над ними сохранялся надзор земских начальников.

А.П. Изгоев привёл обширный перечень не осуществлённых пунктов программы преобразований Столыпина. Самодержавие исчерпало себя. Требовалось радикальное обнов-

ление политических институтов и изменение курса развития страны.

Революционный кризис не был и не мог быть преодолен с наступлением реакции. Напротив, попытки реформ углубили конфликт интересов в правящих кругах, между господствующими классами и низами общества. **Аграрная политика Столыпина объективно способствовала расширению социальной базы революции.** Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 г. порождали кулака с присущим ему «рутинным экономическим мышлением, азиатскими приёмами эксплуатации своих односельчан, с минимумом предпринимательской инициативы, политическим консерватизмом». На другом социальном полюсе в российской деревне вместо чистого пролетария доминировал батрак с наделом. В сочетании с сохранением помещичьего землевладения, крестьянским малоземельем такое «реформирование» вело к углублению противоречий в стране, остававшейся по преимуществу аграрной [72].

И с позиций времени самого П.А. Столыпина, и оценок прошедшего с тех пор столетия, учитывая результаты преобразований в России в последние десятилетия, можно утверждать:

Первое – «если проводить параллели между столыпинскими реформами и событиями постсоветской истории, то аналогия с переходом сельского хозяйства в начале 90-х годов к «рынку» довольно заметна. Ещё более явное сходство наблюдается и в методах проведения реформ: и в начале, и в конце XX века ставших причиной их неудачи... В обоих случаях «аграрная революция» проводилась по инициативе сверху, и в обоих случаях – на недостаточно подготовленной почве» [73];

Второе – значительная часть «столыпинской программы реформ» не была претворена в жизнь [74];

Третье – «при широко развитой системе круговой поруки, семейственности, вплоть до создания своеобразных кланов по родственному признаку, российское правительство в те годы было, по словам современника, «таким же некомпетентным и коррумпированным, как и реакционным и лакейским» [75]. И здесь аналогия с днём сегодняшним полная;

Четвёртое – «политика Столыпина не предотвратила последующего революционного взрыва. Видный представитель партии кадетов **В. Маклаков**, выступая в Думе, говорил: «**Явилась надежда, что перед нами дальновидное правительство, правительство, которое... понимает, что задача мудрой реакции есть осуществление всего, что было здорового в революции, ибо, по известному изречению Бертье, «единственный способ предотвратить революции – это их сделать».** Столыпин оказался не в состоянии решить эту задачу» [76]. Правительство предпочло бороться с революцией иными методами. И они оказались крайне неудачными. Не только крестьяне отвергали реформу Столыпина принципиально и непримиримо [77], но и либералы – поборники модернизации России по западному варианту – полагали, что проводимая политика имеет разрушительное начало [78].

«Реформы сверху» осуществлялись через бессудные репрессии, военно-окружные и военно-полевые суды, с запрещением участия в них юристов. Ежедневно газеты сообщали о казнях. Широко практиковались расстрелы и виселицы. Военно-окружными судами в 1906–1909 гг. смертные приговоры были вынесены 6 193 людям. С «крамолой» расправлялись и военно-полевые суды. 1 172 человека были расстреляны по распоряжениям генерал-губернаторов. На каторгу отправлялись десятки тысяч человек. Выступления крестьян рассматривались как уголовно наказуемые деяния. Судебные процессы имели целью не наказание, а устрашение крестьян, сопротивлявшихся аграрной реформе [79].

Р. Пайпс вынужден признавать, что «аграрной революции» не получилось, и **новый класс независимых землевладельцев не родился**» [80]. Автор обоснованно приходит к выводу: «общинные крестьяне неколебимо верили, что решение их экономических трудностей лежит в обретении в общинное владение всех частновладельческих земель. Они противились столыпинскому законодательству...» [81]. Другой американский историк **Дж. Эйни** констатирует, что чересполосные укрепления являлись чисто бюрократическими упражнениями, а **мас-**

совое насаждение хуторов и отрубов принесло немало негативного [82].

Властям не удалось ни разрушить общину, ни создать устойчивый и достаточно массовый слой крестьян-собственников. Реформа лишь углубила социальную дифференциацию в деревне. Внимательный современник, каковым являлся **А. Финн-Енотаевский**, отмечал: «**Всё это ведёт к обезземеливанию массового крестьянина, что при настоящих условиях имеет своим результатом не столько пролетаризацию, сколько увеличение пауперизма в деревне...**». Он сознавал, что, «содействуя развитию зажиточного крестьянского хозяйства за счёт массового, отнимая у него землю в пользу богатого, толкая массового крестьянина на усиленную ликвидацию своего хозяйства», такая политика вела к обнищанию широких слоёв сельского населения, а вместе с тем и регрессу земледельческой культуры [83].

Между тем крестьянская община была способна к саморазвитию и трансформации. Об этом свидетельствовал размах кооперативного движения в российской деревне. За период 1901–1917 гг. в стране в 19 раз выросло количество кредитных кооперативных объединений, в 33 раза – потребительских, в 44 раза – сельскохозяйственных обществ, в 59 – маслодельных артелей [84]. В России имелось 51 417 кооперативов, охвативших 22 млн. человек. Распространение кооперативных форм было защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма [85]. Столыпинские преобразования не были направлены на развитие этого процесса. Являясь продолжением реформы 1861 г., они проводились в интересах помещного дворянства со значительным ухудшением условий жизни и деятельности огромных масс крестьянства. Последствия такого «решения аграрного вопроса» очень скоро стали очевидными. Малоземелье крестьян было причиной их выступлений против помещиков, породило борьбу за «чёрный передел». Очевидной стала экологическая деградация ландшафта. Крестьянские земли, лишённые удобрений, быстро теряли плодородные качества. Одновременно помещики сбывали огромные лесные массивы воротилам промыш-

ленного мира, вырубавшим леса и не проявлявшим заботы об их воспроизводстве. Экологический кризис не заставил себя ждать. Уничтожение лесов в Центральной России и деградация пашни привели к частым засухам, неурожаю, голоду, унесшему миллионы человеческих жизней..

Земельные преобразования, начатые Столыпиным, принесли крестьянам неимоверные бедствия. Осуществлялись они, не взирая на протесты и открытые выступления крестьян. Вместо «успокоения» общества, реформа Столыпина привела к усилению революционных настроений. В 1906 г., взяв курс на разрушение общины, приватизацию надельной земли и введение её свободной купли-продажи, государство пошло напролом против ясно выраженной воли подавляющего большинства народа. Столыпин углубил конфликт между властью и населением страны [86]. Российская империя была ввергнута в затяжной и глубокий кризис, при котором никакой стабильности, подъёма и процветания быть не могло.

РЕАБИЛИТАЦИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ

В отдельных странах на том этапе исторического развития буржуазии удалось избежать краха. В Италии во главе правительства оказался Джолитти, пытавшийся решить проблему «либеральным» заигрыванием с рабочим классом. Но обернулось всё приходом к власти в начале 1920-х гг. фашистов во главе с Муссолини. В США политику буржуазно-реформистских маневров проводили президенты Т. Рузвельт, а затем В. Вильсон. В Англии на пост премьер-министра был призван непревзойдённый мастер компромиссов Ллойд Джордж [87]. В России реакционно-реформистский курс Столыпина оказался не просто несостоятельным. Он изначально не имел поддержки едва ли не во всех слоях русского общества [88].

В.И. Вернадский 10 июля 1906 г. в статье «Смертная казнь» писал: «Сотни казней, сотни легально и безнаказанно убитых людей в течение нескольких месяцев, в XX веке, в цивилизованной стране, в образованном обществе!.. Когда в некоторых кругах русского общества пе-

ред наступлением революции носился страх её кровавых дел, этот страх обращался в сторону революционеров. Революция пришла, и оказалось, что правительственная власть стоит далеко впереди их, что на её совести несравненно больше крови и больше убийств... И занесённая кровавая рука власти не останавливается. Правительственный террор становится всё более кровавым» [89].

Через два года, 14 января 1908 г., этот великий учёный и мыслитель планетарного масштаба, давая оценку происходящему в России, отмечал, что «страна залита кровью» и «всё держится одной грубой силой». Это оценка человека, являвшегося тогда членом Государственного Совета. Уместно отметить, что в знак протеста против реакционной политики более 100 преподавателей, почти треть профессоров и доцентов Московского университета весной 1911 г. покинули его стены. Случай неслыханный в истории. В их числе был и В.И. Вернадский. Царские власти не простили ему этого и исключили из Госсовета [90]. В оппозиции Столыпину и его курсу оказались даже правые монархисты, обвинявшие его в заговоре против царя. Учитывая, что Николай II был почётным членом «Союза русского народа», это неизбежно привело к глубоким противоречиям третьиюньской политической системы. Российский премьер оказался заложником и жертвой построенной им модели управления. Лидер «октябристов» А.И. Гучков справедливо отмечал, что «в сущности, Столыпин умер политически задолго до своей физической смерти» [91]. Участь монархии была тоже предрешена.

Миф о Столыпине как «великом реформаторе» и преобразователе русской деревни несостоятелен. Роль его как проводника реакционной политики и масштабных репрессий, душителя демократических свобод очевидна. Нет сомнений, что имя этого сыгравшего столь неблагоприятную роль в истории России деятеля оказалось востребованным нынешним политическим режимом для обоснования проводимых «реформ» и оправдания политики правящей партии, отражающей интересы бюрократии и крупного капитала.

Затяя никчемная. Более 100 лет назад великий русский писатель Л.Н. Толстой в статье «Не

могу молчать», опубликованной 4 июля 1908 г. сразу в ряде изданий, писал: «Обращаюсь ко всем... и до вас, двух главных скрытных палачей, своим попустительством участвующих во всех этих преступлениях: Петру Столыпину и Николаю Романову... чем дольше продолжается теперешнее положение, тем больше я убеждаюсь, что эти два человека, виновники совершающихся злодейств и развращения народа, сознательно делают то, что делают...». Он же в личном письме к Столыпину предсказывал: «Покуда будет история, имя ваше будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи... Вместо умиротворения вы до последней степени напряжения доводите раздражение и озлобление людей всеми этими ужасами произвола...» [92].

И через сто лет после того, как великий писатель и гуманист написал эти слова, уже в «демократической» России власти готовятся отметить 150-летие со дня рождения «великого реформатора» П.А. Столыпина. Не следовало бы... Благодаря его «преобразованиям», великой России не получилось. Напротив: случилась революция, и страна оказалась на грани распада. По признаниям видного философа Н.А. Бердяева, уважаемого иерарха Русской Православной Церкви Вениамина (Федченкова), великого князя Александра Михайловича Романова и многих других умных и честных людей, у которых не было симпатий к Советской власти, **державу спасли Ленин и большевики** [93]. А философ-эмигрант Г.П. Федотов, анализируя истоки революции, видел её причины в реакционности правящего класса и русской монархии [94]. Проводником же реакционного курса являлся Столыпин. Даже монархист В.В. Шульгин, принимавший отречение Николая II, признавал: **«Столыпин – предтеча Муссолини»** и стояло за ним меньшинство [95].

Между тем, власть обязана проводить политику в интересах не отдельных социальных групп, а во благо населения всей страны. Столыпин с такой задачей не справился. Он её и не решал. Никаких оснований для исторической реабилитации деяний, да и самой личности этого государственного деятеля не имеется. Не надо искажать прошлое для оправдания настоящего,

ибо будущее от этого может оказаться под угрозой. Уместно напомнить, что реформы, проводимые и Александром II, и Столыпиным, оказались обреченными, впрочем, как и их проводники. В результате Россия была поставлена перед хаосом и распадом. И только Ленин и большевики остановили разложение, смогли организовать новое общество. Выводы очевидны.

Примечания:

1. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Соч. 2-е изд. – Т. 22. – С. 261; См.: Кругликов А.Л. Внутренняя политика самодержавия во второй половине 50-х – начале 90-х гг. XIX в. и симбирское дворянство. Его роль и влияние // Краеведческие записки. Вып. VIII. Ульяновск, 1989. – С. 20 и др.
2. См.: *Левинтов, Н.Г.* О трактовке ленинской концепции нэпа / Н.Г. Левинтов // Диалог. 2002. – №10. – С. 29–30.
3. *Ключевский, В.О.* Собр. Соч. – Т. IV. – М., 1990. – С. 300.
4. *Плеханов, Г.В.* История русской общественной мысли. Кн. I. М.-Л., 1975. – С. 118. (Подобное постигло Россию в период реформ на рубеже XX–XXI столетий. Подобный раскол недопустим и крайне опасен для существования государства и единства народа. В этом коренится и причина недоверия граждан России к Западу)
5. *Солоневич, И.Л.* Народная монархия. – М., 1991. – С. 129.
6. Там же. – С. 458.
7. К. Маркс писал о «поднявшемся...вое» крепостников, убоявшихся, что предстоящая отмена крепостного права нанесёт ущерб их интересам и правам. – См.: *Архив Маркса и Энгельса.* Т. XII. – М., 1952. – С. 112.
8. *Карпович, М.К.* Имперская Россия (1801–1917 гг.) // Цит. по: Можайскова И.И. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования). Ч. III. Метаистория в тысячелетиях жизни русской цивилизации. – М., 2001. – С. 291.
9. См.: *Джаншиев, Г.* Эпоха великих реформ. Изд. 8-е. – М., 1900; «Великая реформа». – Т. I–VI. – М., 1911.
10. См.: *Вернадский, Г.В.* Московское царство. – Ч. II. – Тверь-Москва, 1997. – С. 307.
11. См.: *Можайскова, И.И.* Указ. Соч. – С. 292, 295.
12. Цит. по: *Можайскова, И.И.* Указ. Соч. – С. 296.
13. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. – СПб., 1998.

14. Архив Маркса и Энгельса. – Т. 12. М., 1952. – С. 119.
15. По существу крестьяне в результате реформы 1861 г. выкупали не только урезанные земельные наделы, но и личную свободу. – См. Лосицкий А. Выкупная операция. – СПб., 1906. – С. 16 и др.
16. Позднее русские и советские учёные А.В. Чаянов и Н.Д. Кондратьев предложили механизм приспособления общественно-крестьянских хозяйств к крупному индустриальному производству посредством развития кооперирования. Это был инновационный вариант трансформации традиционалистского хозяйства в новые структуры. Только отсутствие времени в крайне сложной международной обстановке 30-х гг. XX столетия не позволили СССР реализовать этот подход. Сегодня Китай, Вьетнам, отчасти Беларусь успешно используют многие элементы этой модели развития.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 19. – С. 415.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 22. – С. 261.
19. См.: Воронов, Л. Иностраннные капиталы в России. – М., 1901.; Зив, В.С. Иностраннные капиталы в русской горно-заводской промышленности. – М., 1917; Оль, П.В. Иностраннные капиталы в России. – Пг., 1922; Он же. Иностраннные капиталы в народном хозяйстве дореволюционной России. – Л., 1925.; Эвентов, Л.Я. Иностраннные капиталы в русской промышленности. – М.-Л., 1931.
20. Струмилин, С.Г. Очерки экономической истории России. – С. 485.
21. Можайскова, И.И. Указ. Соч. – С. 325.
22. Там же.
23. Насажждение капитализма в постсоветской России на рубеже XX–XXI столетий сопровождается аналогичными явлениями.
24. Там же. – С. 326.
25. Цит. по: Солоневич, И.Л. Указ. Соч. – С. 108.
26. См.: Пасхалов, К. Землеустроительное разорение России. – М., 1909. – С. № 4–35.; Хотянцов, Д. К дворянству. Письмо V. – М., 1909. – С. 5.; Пасхалов, К., Шарапов, С. Землеустроение или землеразорение? – М., 1909. – С. 44.
27. В период разрушительных ельцинских реформ бюро «Народно-трудового союза российских солидаристов» («НТС») в годы II-й мировой войны сотрудничало с Гитлером, позднее – использовалось западными спецслужбами для подрывной работы в СССР) издало брошюру: Егоров, Ю. Поможет ли реформа Столыпина современной русской деревне? – М., Изд. «Посев» Российский филиал, 1996. С ещё более апологетических позиций деятельность П.А.Столыпина представлена в серии «Библиотека Единой России: Лидеры». – Т. 2. – М., 2006. – С. 113–129. Читателю самому предстоит делать выводы. И следует помнить, что прошлое всегда с живыми.
28. См.: Игнатъев, А.В. С.В. Витте – дипломат. – М., 1989. – С. 308.
29. Толстой, И.И. Дневник. 1906–1916. – СПб., 1997// Цит.: Федорченко, В.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Российская империя в лицах. Красноярск, 2001. – Т. 2. – С. 399.
30. Аврех, А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991. – С. 254, 255.
31. Бьюкенен, Д. Моя миссия в России. – М., 2002. – С. 128.
32. Милуков, П.Н. Воспоминания. – М., 1991. – С. 329
33. Там же. – С. 288.
34. Воровский, В.В. (П.Орловский) «Перед третьей Думой» // Воровский В.В. Избранные произведения о первой русской революции. – М., 1955. – С. 259.
35. Там же. – С. 286.
36. Милуков, П.Н. Указ. Соч. – С. 333.
37. Коковцев, В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. – М., 1991. – С. 67, 169.
38. Там же. – С. 67–69.
39. Там же. – С. 140.
40. Пайнс, Р. Русская революция. Часть первая. – М., 1994. – С. 190, 201.
41. Бьюкенен, Д. Указ. Соч. – С. 130.
42. Там же. – С. 126.
43. Цит. по: Николаевский, Б.И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. – М., 1991. – С. 11.
44. Лонге, Ж., Зильбер, Г. Террористы и охранка. – М., 1991. – С. 167.
45. Бьюкенен, Д. Указ. Соч. – С. 132–133.
46. См.: Берберова, Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. – М., 1997. – С. 247.
47. Ленин, В.И. Полн. Собр. Соч. – Т. 23. – С. 57.
48. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. – С. 258–259.
49. Шельмагин, И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917 г. – М., 1952. – С. 185–186.
50. Рабочий класс России. 1907– февраль 1917 г. – М., 1982. – С. 111.
51. «Пролетарий», 1908. №39.
52. Петров, Ю.А. Династия Рябушинских. – М., 1997. – С. 80–81.
53. См.: Бережной, А.Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати. – Л., 1967. – С. 199–201; Петров Ю.А. Павел Петрович Ря-

- бушинский // Исторические силуэты. – М., 1991. – С. 126-127.
54. Милуков, П.Н. Указ. Соч. – С. 401.
55. См.: Игнатъев, А.В. Указ. Соч. – С. 302-303.
56. С.Ю. Витте. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. – М., 1991. – С. 623-624.
57. См.: Столыпин, П.А. Нам нужна великая Россия. Полн. Собр. Речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. – М., 1991.
58. Можайскова, И.В. Указ. Соч. – С. 331.
59. Пайнс, Р. Указ. Соч. – С. 190.
60. Подробнее см.: История русской экономической мысли. – Т. III. – Ч. I. – М., 1966.
61. Цит. по: Вошанин, В. Переселенческий вопрос в Государственной думе третьего созыва. – СПб., 1912. – С. 28.
62. См. Государственная дума. Третий созыв. Сессия вторая. Стенографические отчеты. – Ч. I. – СПб., 1908. – С. 519.
63. Пушкарёва, И.М. Князь Георгий Евгеньевич Львов // В кн. Исторические силуэты. – М., Наука, 1991. – С. 164–165.
64. См.: Дубровский, С.М. Столыпинская земельная реформа. – М., 1961. – С. 250.
65. История русской экономической мысли. – Т. III. – Ч. I. – М., 1966. – С. 95.
66. См.: Дубровский, С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М., 1975. – С. 192.
67. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух веков. – М., 1994. – С. 130.
68. Чупров, А.И. Хозяйственные последствия разрушения общины. Речи и статьи. – М., 1909. – Т. 2. – С. 521, 522.
69. Там же. – С. 547.
70. Воронцов, В.П. Судьбы капиталистической России». – СПб., 1907. – С. 1.
71. Воронцов, В.П. Государственные доходы России». – СПб., 1907. – С. 64.
72. Аврех, А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991. – С. 257-261, С. 263-264.
73. Зайцев, М. Корпорация Россия: видимая рука рынка (Записки инвестиционного банкира). – М., 2005. – С. 14.
74. Там же. – С. 16.
75. Там же. – С. 16–17.
76. Там же.
77. Кара-Мурза, С.Г. Гражданская война. – М., 2009. – С. 136–141.
78. Е.Н. Трубецкой писал, что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения..., ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он был убежден, что раскол общины и приватизация земель усугубят «раздор и междоусобье в крестьянской среде», создадут потенциальный очаг социальной войны на селе. – См.: Кара-Мурза С.Г. Указ. Соч. – С. 134.
79. Там же. – С. 263.
80. Пайнс, Р. Указ. Соч. – С. 198.
81. Там же.
82. См.: «Диалог», 1989, № 4 – С. 74.
83. См.: Финн-Енотаевский, А. «Обзор экономической жизни России. – СПб., 1911.; Ленин, В.И. ПСС, Т. 16. – С. 264.
84. См.: Рязанов, В.Т. Экономическое развитие России... С. 334; Кабанов, В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. – 1993. – № 2. – С. 36.
85. Даже в изданном в 2008 г. под патронажем фонда Ельцина и под редакцией Р.Г. Пихоя пособия для студентов, учителей истории и преподавателей вузов, признаётся полная неудача, постигшая проводимый Столыпиным курс. Отмечая размах кооперативного движения, что было обусловлено как раз общинно-артельными формами работы и жизни крестьянства, проф. С.Ю. Наумов пишет: «Это массовое движение не было своевременно поддержано государством, не стало ещё одним мощным направлением целенаправленных преобразований». – См.: Государственность России: идеи, люди, символы. – М., 2008.
86. Кара-Мурза, С.Г. Гражданская война. – М., 2009. – С. 141–142.
87. См.: В.И. Ленин. ПСС. – Т. 20. – С. 305; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. – Т. 3. – Начало революционных битв XX века. – М., 1978. – С. 10.
88. Аврех, А.Я. Масоны и революция. – М., 1990. – С. 218.
89. «Речь». 1906. 10 июля.
90. «Речь». 1908. 14 января
91. Падение царского режима. – Т. 6. – М.-Л., 1927. – С. 252.
92. Лев Толстой – Петру Столыпину: Ваша деятельность губит Вашу душу // Неделя, 1990, № 598. – С. 10.
93. См.: Бессонов, Б.Н. Русская идея, мифы и реальность. – Ч. II. – М., 1993. – С. 3-10; Кругликов, А.Л. Власть и коррупция. Ульяновск, 2006. – С. 388-385.
94. Бессонов, Б.Н. Указ. Соч. – С. 5.
95. Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится...». – СПб., 1992. – С. 48.

